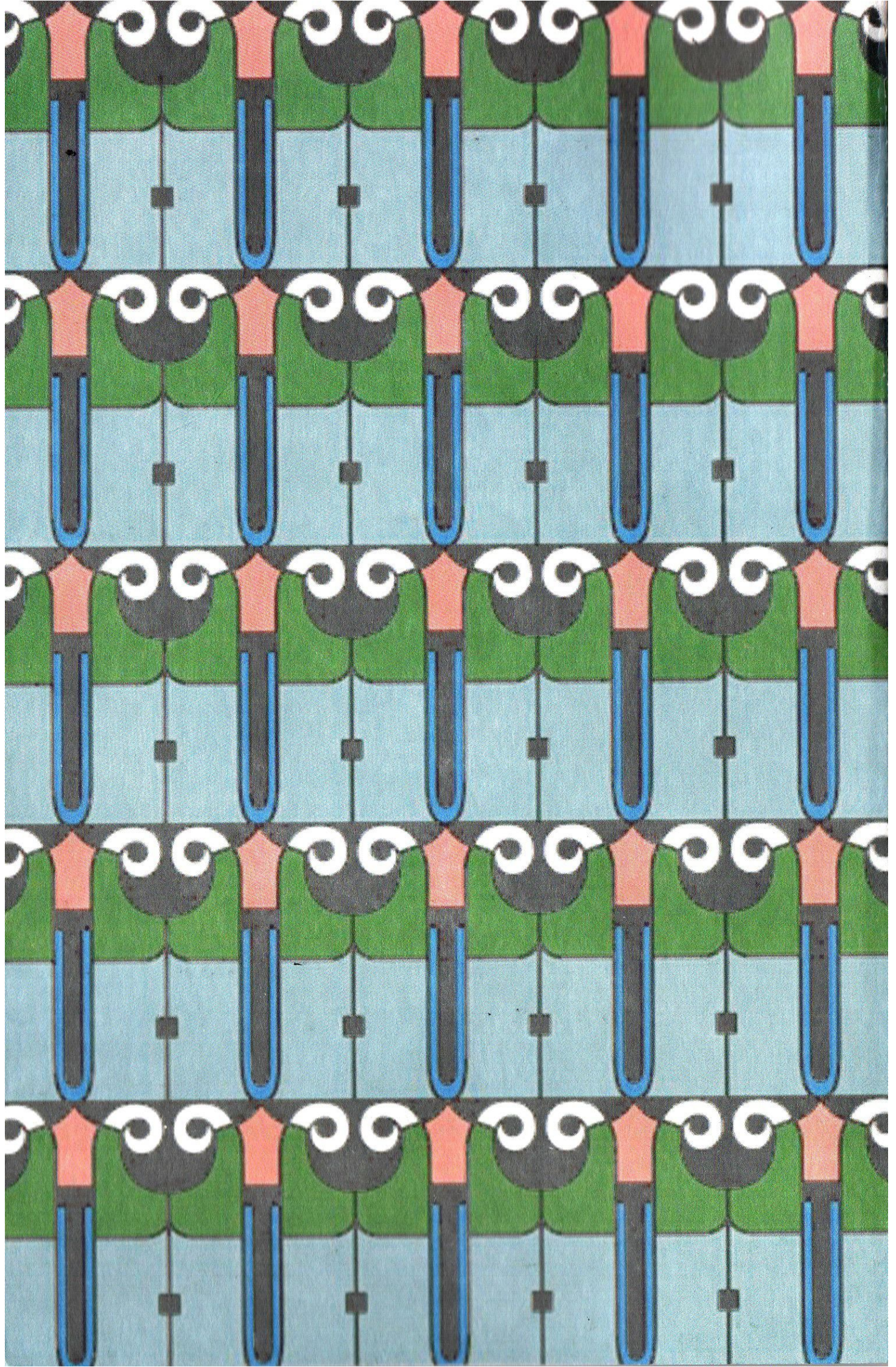

**Девятый хвойный год
вырицкие стихи**

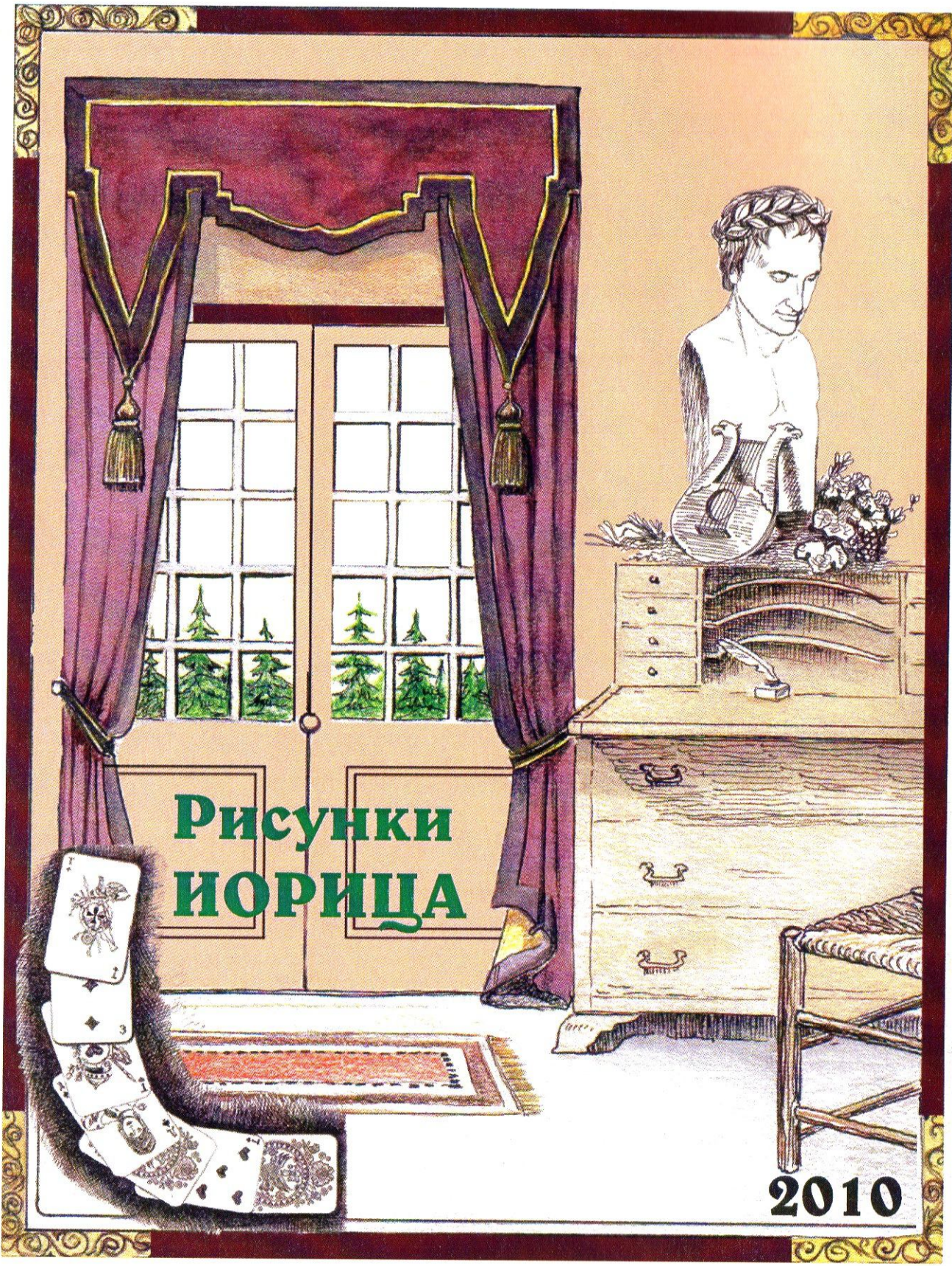

Цюльским летом канителъ;
За мной заехал Александр.
Мы сдам. [Паучкой Даниэль
Встречает, "кром" палисаняр.
Разросся слав в глуши эстетя.
Мы нз вспоминаем в это лето.
Венок той дружбы пятилетней
Как в Лукомарье зуб столетний.

ACADEMIA

МАНУСКРИПТ
Новозеландской от издателя
А. [подпись] [подпись]
Михайловка Х. Г.

**Рисунки
ИОРИЦА**

2010

Девятый хвойный год.

Андрей Рубцов

ACADEMIA

ИЗДАТЕЛЬСТВО

MMX

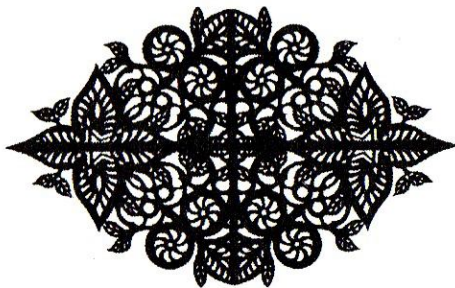
Нумерованный экземпляр № 1

ер.

Заветное

Остерегись июньский дождь
Напомнить свежую веранду,
Где с пенкой бабушкин сироп
Встречал футбольную команду,
Бегущих сквозь вишневый сад
В прямоугольных тюбетейках
С узорами колоды карт.
В краплено-желтых канарейках.

Нашлась с последних похорон,
Околдовала мой рассудок.
В ней суеверие корон;
Атласный запах незабудок...

На 210-летие Пушкина.

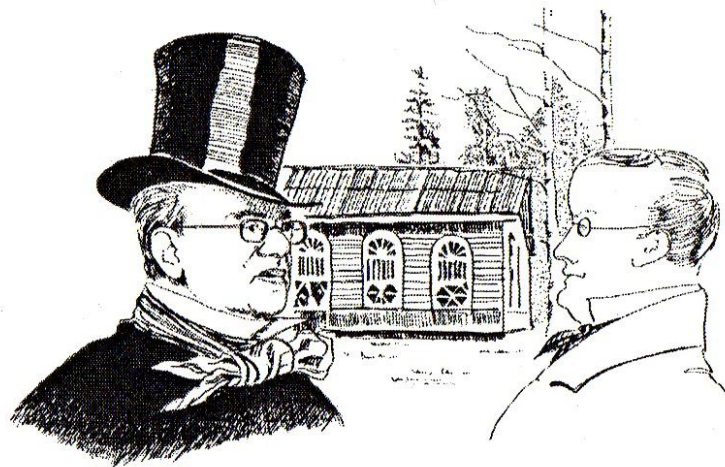
Не вижу я Пушкина в Царском Селе
А в Вырице, — Кушнер гуляет, как все
И он не высокий, курчавый.
И стих у него величавый.

Порядочно издано Кушнера книг,
Да вот не хватает придворных интриг.
Зажился на свете прекрасный поэт
Не знает и как ведь держать пистолет?

Соседи украли две сотки земли;
«Французов» не менее, чем Натали.
Возможности сплетен. Заторы карет
Добрался до дома — включи интернет.

Узнаешь, что в Вырице много цыган.
Не их ли пел Пушкин, вкушая кальян?
А в так называемом Царском Селе
Как дома живут мусульмане в шатре.

Не видно лишь негров, пусть русский народ
Влачит за собою пустой огород!
А Кушнер, как Пушкин даст чувству полет
Пусть лучше живой и шампанское пьет...

Татьяне Новозеландской.

В окне сияет бабье лето,
Но нет хозяйки дорогой,
Что в *прежних* годы ум поэта
Кормила лучшей едой.
На «Кноррингской», в уединении
Сей ныне прозябает клуб.
Убиты триммером растения, —
В углу без меры вырос дуб?

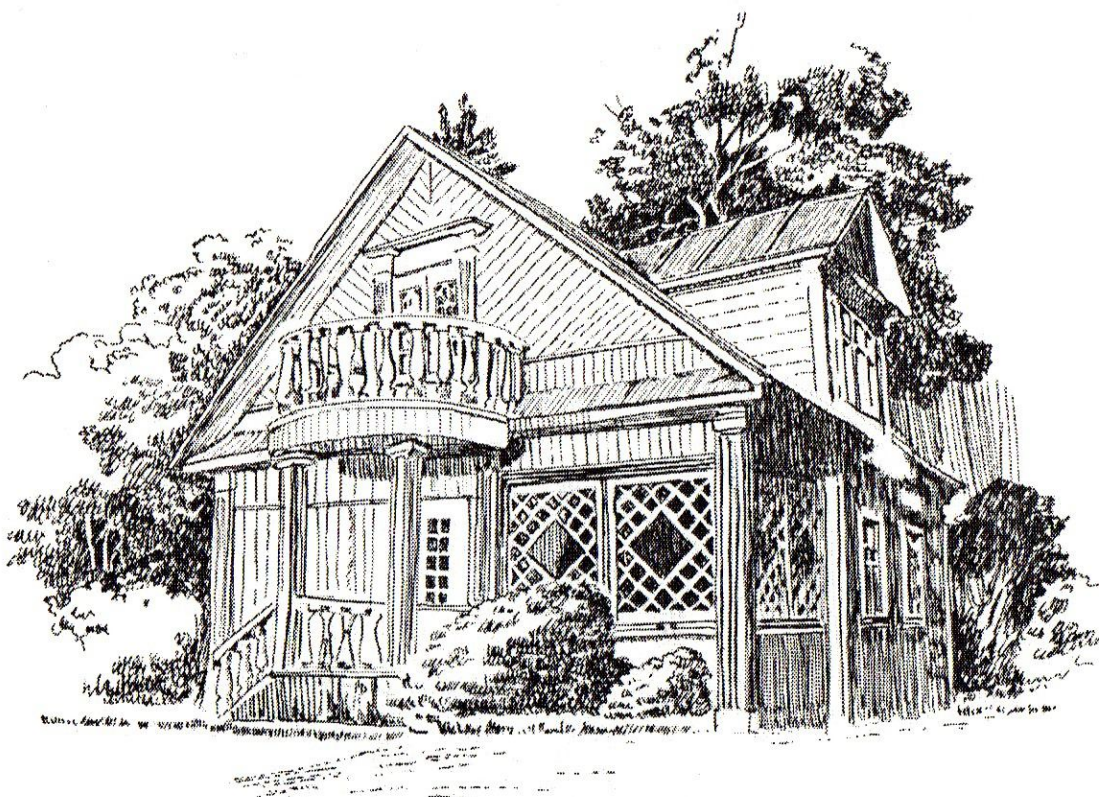
Ту соблазнительную влажность
Настурций ломких у пруда,
Вы променяли... Эка важность!
Новозеландские блюда —
Еще успеют Вам наскучить.
Воспоминания о *сельно*, —
Вернут к осенней листве в куче.
Ее зажжешь и хорошо!

Пожар

Желтая дача в Поселке сгорела.
Угли в нетленный сложились вольер.
Дачная «Оттепель» осиротела
Послевоенный исчез бельведер.

Напоминая фасад «Мариинской» —
Царской больницы классический стиль
Этот шедевр на проспекте «Стравинской» —
Не уступал. И за окнами шпиль
Сладостный ужас сулил на закате:
Призраки некогда живших людей
Чёрный тюльпан, иноземные рати,
Чары *Milady*, Натальи Варлей

Я не шучу! Быт советских колхозов
Ныне забыт. *Нуазетские розы*,
Бабушки Дуни пасхальный альбом —
Въелись в рассудок воспоминаний
Как этот желтый с колоннами дом.

Кто им владел? *Камеристка* в изгнании?
Газовый ей привозили баллон.
Роскошь застройщицы праздного здания
Кофе кубинский подать на балкон...

Да, сохранившие вкус милой веры
В мебель из ели, костюм, котильон.
Здесь коротали досуг инженеры;
В прошлом имели свой шляпный салон.

Путник задумчиво кланялся дому
Рвал облепиху. Лоснилась она
Через плетень, навевая истому
Вместе с владельцами выпить вина.

Но неприступны для ока чужого
Сени столичных усадебных гнезд.
Только соседи, — им проще простого.
Полу-забором завален компост...
Могут зайти за бензином, программкой,
Сдобрить *зубровкой* пустой разговор.
— Кто эта барыня в сломанной рамке?
С *муфтой* портрет, где чернильный прибор.

В майскую ночь иль болотную осень,
Осуществляя заведомый крюк,
К желтому дому с колоннами в гости
Часто я брел, чтоб увидеться, вдруг...
Узнан был старый поклонник. Калитку,
Щурясь, хозяин в жилетке открыл.
Чай заварил, шоколадную плитку;
«За долголетие!» — Я тут-же налил.

В кухне софа, поставец вместо тумбы,
Стекла цветные смотрели на сад.
Мрамор *Carnot* и *чабрец* в центре клумбы,
Каски бутонов — весенний парад.

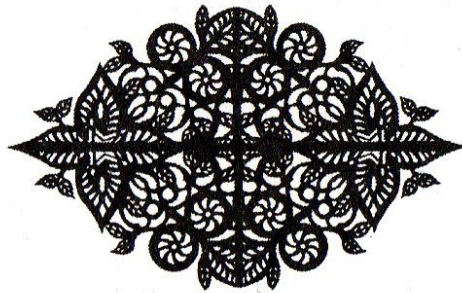
Льстиво звучали мои комплименты
Памяти строивших дом —
Да, он красивый, но все элементы —
Копии, есть эталон.
— Знаю, но дело не в архитектуре.
Трижды *Витрувий* пусть прав
В нашей изнеженной литературе
Дачник — безденежный граф.

С жаром закончили спорить под вечер
С чашей домашней лозы
Из *гоноболя* и вишни созревшей,
После смотрели цветы.
— Поезд, пора! — Появляйтесь на Пасху
Рано ведь в Новом году
Но пару раз я на зимнюю сказку
Сим непременно дойду.

— Вот и пришлите, Андрей, сообщение
Что все в порядке у нас
Ну, а за это весной угощенье —
Красные яйца и квас!

Эта зима пронеслась не по-русски
Раз только видел метель.
Взял для солидности торт и закуски
К ним прогуляться в апрель.
Шел я проспектом соснового рая,
С пеной кадушками снег
Кто-то усердно пилил у сарая,
Может священник Олег?

Благостный ныне. Досужие строфы
Молвить о нем не успел
— Где-же «святыня»? Следы катастрофы
За поворотом узрел...

Владелице одной из вырицких вилл.

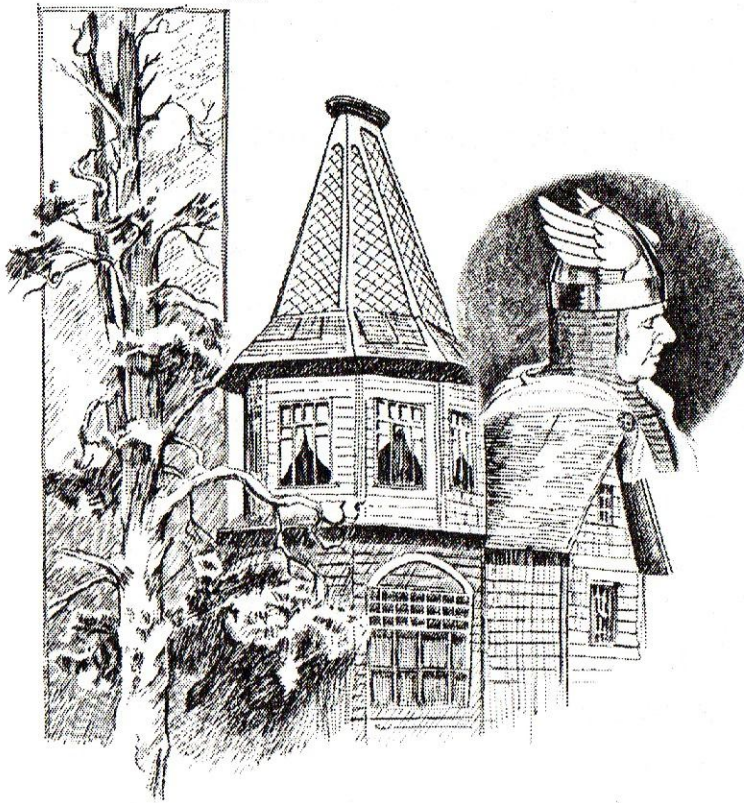
Руном овечки хлопок хвойный
Покрыл собой опасный лед
И с этой думой беспокойной,
Пообветшалый Новый год,
Мне подал руку на Платформе
Чтобы стремительно упасть.
Дежурный в желтой униформе
Над этим потешался всласть.
Так путешественник с позором
Был принят в царство старых дач.
С резным фильтрующим узором
В закате солнце — яркий мяч,
Но это летом: войлок елки
Полоски рыжего песка.
Зимой в Поселке воют волки
И мглы ночной сестра — тоска.

Скумбрия, После развода

Лишенный муки обладанья
Под дуновением альков
Исчез. Источник мутных знаний;
Гербарий мха и васильков.

Дитяти праздности со мною
Две чудных дочери. Крючки
Мы в речку кинем чередою
Поймаем скумбрию в сачки.

Ее в щавелевое поле
Отпустим ящериц *травить*.
Как надоело в этой роли
Серьезно жить и говорить.

Даниэлю-де-Сакс. Начало поэмы.

Еще листва не догорала
В объятиях осени молодой
И желтым цветом от вокзала
Дождь, заглушая проливной.
Все жаждали кусочек лета
Еще застать в своей глуши,
А в Вырице и тень поэта
Благословила камыши.

.....

Как выпашь осени пунцовой
Усыпан золотом *лабаз*
Все ждут завоз. Природы новой
Луч электрический погас.
Подкралась ночь, мерцай фиалка
Чья керосинка греет мрак?
В руках увесистая палка
Ей отгоняюсь от собак.

Пахнуло яблок падшей мятой
В воротах спит *локобель*.
В углах забора щель заплатой
Венчает деревенский стиль...
А в остальном амбар прилажен
Как тень попитра к гаражу.
Саксонский рыцарь очень важен
И я постоем дорожу.

Желаю выкроить поэму
Судейской мантии фланель
Порежу ножницами тему
И озаглавлю: «Даниэль».

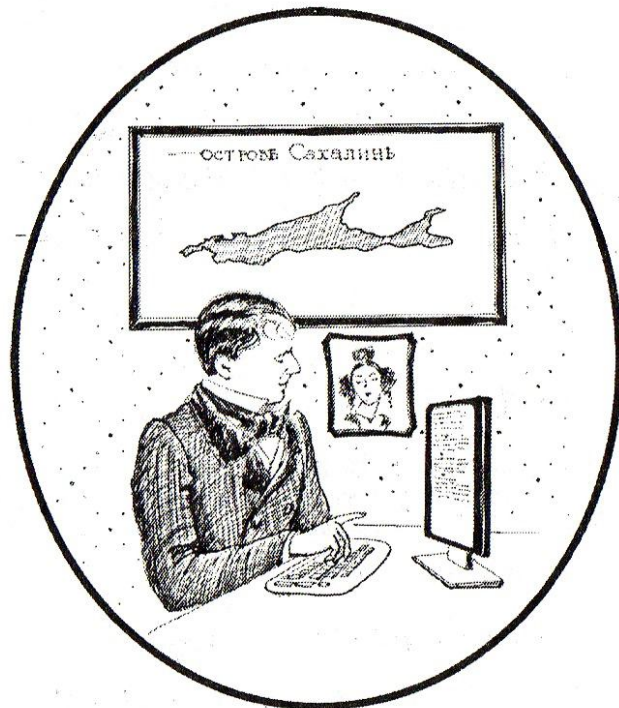
В те дни весенняя погода
В пасхальных солнечных лучах
Не отражала время года
Снег оставался на полях
Страда из крашенных яичек
И мелкий клетот дряблых птичек
Еще вещал. Апрель охрип,
А Даниэль морозил джип
Себя, балуя новой стройкой
Нет, чтоб крестьянку подыскать
С лихой вакхической попойкой
Ее на барскую кровать...
Увлечь рассказами о хвойных,
Этично приукрасив речь
О сумасшедших кельтских войнах
Затем циничто пренебречь...
Во имя древних прелых грядок
Оберегая мерзкий тисс

Увековеченный порядок
Любил *михайловский* Парис.
Влюблен в сажени жирной пашни,
Журя проказы тех детей
Кто с кедрами играя в шашни
Срывал пыльцу с его ветвей.
О, дивный друг, почти помещик!
Твои укоры для инфант
Невинно-порченые вещи
..... дачный франт....

И вот в деревне. Он один.
Плодами груш увиты катафалки.
Хоронят лето. Он храним.
Он безупречнее весталки.
От мусора кадильный дым.
Валежника сырые палки...

.....

.....

И. Люблинской

Купил я Люблинского книгу
И вспомнил хвойный палисад
Терновник, тую, репу, фигу.
(Ну, словом, Даниэля сад)...
И Вы, которую подвозят
К «Платформе Третьей»: ждем сезон,
Когда с оказией, быть может
Все приземлимся на газон.

Я помню ночь в постели Вашей
Меня оставили в июль...
Ром подавали утром с кашей
На кухне, где старинный буль
Жаль Вас там не было, мамаша
Сказала: Инну, не везут.
Дождусь, пусть станете чуть старше
Передвижением минут.

Девице Марии Федоренковой, Живущей возле завода «Шикон»

Шоссе простуду навевает,
В низине копошится дом,
В канаву горечи стекая.
Качнется мостик. Он — паром
Там, — староневская рутинка:
Деревьев чахлах; пыльных штор.
Здесь, — бедной гордости куртина
С шампанским шасть на скотный двор!

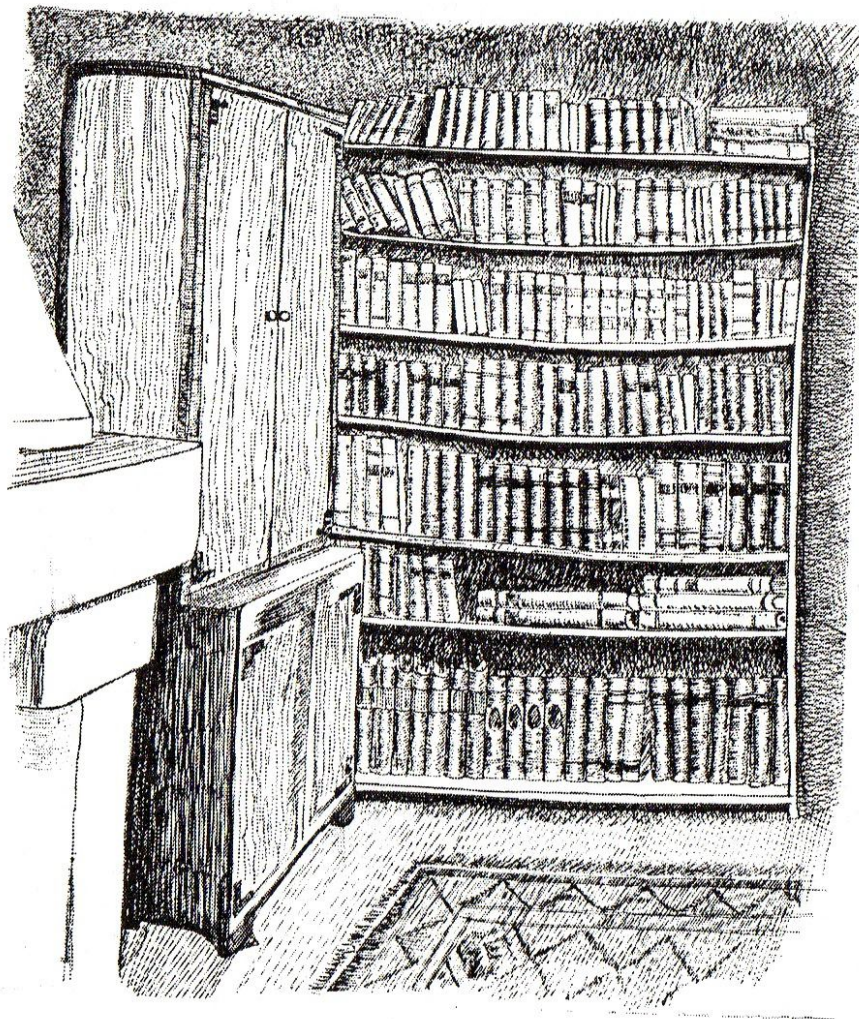
Все потеплело в эту осень,
Шлифуя северный порок.
Когда идешь к девице в гости
Бери с черникою пирог!
Чтоб разглядеть ее поуже
Полезна ягода глазам
Не стать, чтоб понапрасну мужем
От внешности сбегая в храм...

Я наблюдал в *Казанском храме*
Красавиц мало, лишь одна, —
Другая, в золоченой раме
От сотен свеч закопчена.
Лет пять назад молил: семейный
Союз ужалила оса,
Но в этой глупости елейной
Мне отказали небеса...

The library

Под сенью штор библиотеки
Так и проходит наша жизнь.
Уж лучше здесь! Смыкая веки
Когда совпала чья то мысль
С отдохновением в порыве
От парадоксов кошелька.
С тем русским мнением ретивым
Что нам начитанность нужна!

Тургенев, Вергилий

На мостовой след богемы остыл
От поколений меняющих стили
Как ощутить их божественный пыл?
Барин Тургенев, патриций Вергилий...

Гусениц, в бальном наряде девиц
Ищущих с кием, хоть несколько звеньев.
Сколько нахально-ухоженных лиц,
А где же Вергилий, седой, как Тургенев?

Венчанный молью, как зимний тулуп
Бряцаю на электрической лире;
Талой околицы балки в саду —
Сельский, фаллически-бледный Вергилий.

Лет двадцать назад Ты хотела семьи
Вместо искусства мне стать на колени;
А после уехать съ щепоткой земли,
Смотреть на Россию извне, как Тургенев?

Видит чиновник вокруг лишь одно:
Топят Муму без особых усилий,
Чтоб нитку сучили, как веретено
И не смогли бы ожить, как Вергилий!

Когда я умру, — дочь уложит венки.
Вспомнят о вере в которой крестили.
Буду лежать, как в земле колоски.
Или в костре, как язычник Вергилий.

Считалка

Раскрашен золотом ларец
Стоит *Васильевский дворец*
К *Шудибиллю* везут салазки
А к птице *Вырий* слушать сказки.
Кто от мороза всех трезвей?
Конечно же, Рубцов Андрей!
Избавь себя от всякой дури, —
Минует временно «*Меркурий*».

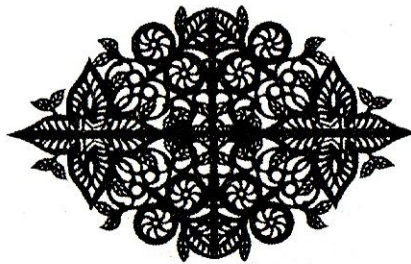
Блин, комом. Масленичное откровение.

Пейзанской манерой столичная речь
Испорчена, — каждый «блины» хочет печь.
В сем слове сокрыт эротический смысл,
Известный с тех пор как, велел *Гостомысл*
С разделом добычи за косы в шатер —
Тащить, порумяней! А ночью, как вор
Шукал в городище с икрою блинов
И млели оладьи от ласковых слов.
За гривну ласкала любая, как «блин».
Упругое тесто любил господин...

О чем же мы слышим: в гостинном ряду,
В театре, в полиции, в детском саду!
Что лакомство свыше дано для людей?
И всем не хватает яиц и дрожжей.

На смерть художника Алексея Ушина.

С шумом влаги и яблок упавших, кто умер на даче?
Меблированной хламом из разной эпохи.
Самовар, накалявший с упорством хулителя чачи.
Прежде друг Диониса, кто пил на последние крохи?
Так завещано музой с укором смотрящей,
Чтоб не стал сталеваром искусный художник.
Дар, как долька арбуза, — обуза становится слаще,
Если в дерзких руках колонок, медный грифель и ножик.
По ошибке взят с полки душистого хлеба. Им вырезать
слово?
Ритм троллейбусных дуг; благовест и прожектор.
Каждый всполох блокадного неба! Курорт в Комарово,
Если это любовь... И изменится вектор.

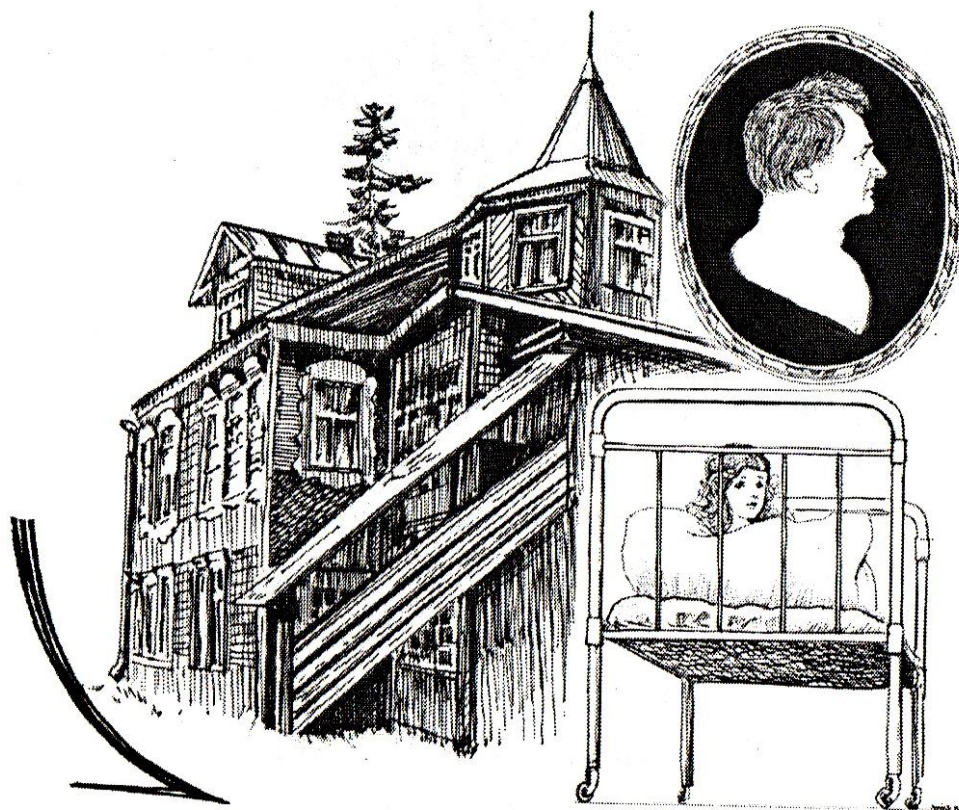
Памятник.

А если в награду на этой земле
Знак памятный вздумают ставить и мне.
Три адреса кряду готов указать,
Где с каменной *гермой* прошу изваять.

Сначала в Поселке у *братских* могил,
Где привкус истории я полюбил.
За, ем, где коренья огромной сосны
На пляже *Шудибилля*. Этой весны
Летели мгновенья с женой молодой:
Утрачено небом. Теперь я седой...

Я помню с детьми у «Салюта» стоял
И весь санаторий о том умолял
Мою приютить ненаглядную дочь
Ее навещая потом через ночь.
Просил Даниэля подкинуть в приют,
Наличник разглядывал сорок минут.
Не велено крошку Селену будить,
Лишь корпус старинный семь раз обходить.
Ефремовский дом нависал над горой.
С израненным сердцем спешил я домой.

Других еще множество в Вырице мест
Частичка моя разлетелась окрест.
Хотел лишь чужие слова повторить.
Поэта в России нельзя не любить.

Теплый декабрь.

В зеркальных отражениях сучья
Мучная чернь кривых берез
А в центре муравьиной кучи
Личинки варят спирт из слез.
Все обмишурилось с зимою
Грибы оформились на пнях
Глухарь токует. К водопою
Кроты спешат, забыв про страх

Я посетитель зимней флоры.
Смеркает рано, Дед Мороз
Едва одет, в полукафтани
Словно в московском «Теплом Стане»,
Как Гумилев с букетом роз.
Мне в дымке приоткрыл просторы
Декабрь пел сопливый нос.

.....

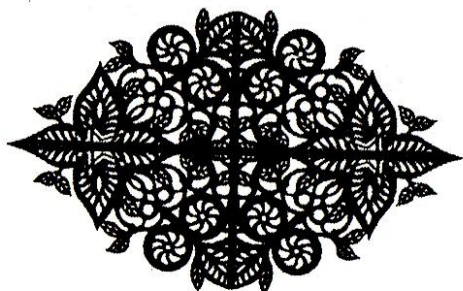
Луна, ну чем не освещение?
Как благодатно посещение,
Когда сквозь дрему дышит бор.
Таится лис, он хитрый вор.
Ванильной свежестью хвои
Ботфорты хлюпают мои.
Я с незаряженным ружьем
С собою фляга (с молоком).
Так пару верст на круг пройду
И на лежанку упаду.
Над треуголкой путь Вселенский
Усну, убитый словно Ленский.

На рассказ авиатора Базыкина

Знаешь ли «деньги на что?
Купить овощей
И бутылку вина, —
Без чего обойтись невозможно».
Так Квинт Гораций писал...
Догадаться не сложно,
Пылкий куда
Как положено вдруг обратиться Андрей.

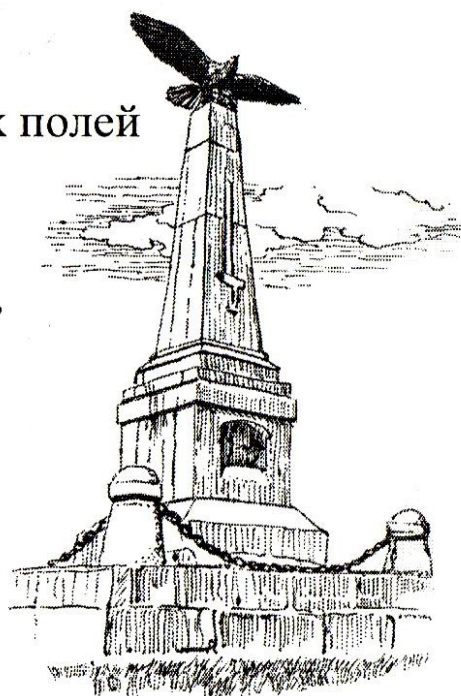
В Вырице,
В Сиверской медноголовой, —
Снуясь с мольбертом,
Густо напишет девица бедовый лопух и кукушку,
Чтобы пристроить искусство.
С пирами все проще.
На вертолете конверты
Везут на опушку, как мощи.

Вкусом еловой имбири
Японские роллы и яства.
К римскому образу жизни властители
Стали причастны в России.
Мало, однако, среди них *Меценатов*, —
Друг Августа частый
Явно был сведущ не только умом,
Но и в кулинарии.

Девятый хвойный год.

Мне казалось, он часто звонил
Вдруг и умер *отец Михаил!*
И что странно, теперь я готов
К нему даже отправиться в Гдов.
На пасхальный пернатый трезвон...
Кто-то «вырицкий» дал телефон.
Он советовал несколько книг
Взял я Библию, чтоб подарить.
Подвернулся и случай потом
У друзей юбилей серебром.
Заструилась невесты фата.
Рядом взрослые дети, краса.
Регент в тон интервал выводил,
А священник спортивно кадил.
Вот и длительный брак закрепен,
Как в десертнице «Наполеон».
В мызу Красницу после вкушать
Староженов пора отмечать!
Там и я крепкий мед пригубил
И священную книгу вручил.
Коновницыных записи в ней
Славный род! Средь российских полей
Есть воспетое Бородино,
Где оставив на тракте ландо
Можно долго крестами бродить,
Эпитафии гвардии чтить.

В день изгнания французов не зря
Двадцать пятого снег декабря.
В новом веке занес Петроград.
Только кучер спесивый не рад.
Во дворах на роллс-ройсах сугроб
Как хрустальный, мелованный гроб.
Свищет Вырица в сказочном сне.
С печки валенки вытащат все,
Чтоб карабкаться в сторону вилл
Брось карету, где остановил!
Неожиданный белый завал
Тень империи всем показал.

Л.Н.К.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэзия Андрея Рубцова, досель известна только дачному кругу знатоков, да и можно ли ее назвать таковой? Современник местных творений Бродского, Кушнера, Антонова, — он трепетный ценитель мшистых заводей. Лирик, способный возомнить, что крестово-купольный космос столетней пахучей ели принадлежит оной Вырице, меж тем, как весь уезд утыкан этими кряжестыми отпрысками нашего грустного пейзажа.

Другой точкой отчета единообразной *рубцовой* лиры, являются полу-сохранившиеся старинные дачи. Проецируя инддизию о том, что: «раньше все было хорошо», там где ему не удастся литая поверхность метафоры, стихотворец пробует ее сдобрить эрудицией историка.

Рубцов, рьяный поклонник сельских поэм Феокрита, Вергилия, Никитина. Но и он грешит, рифмуя современный жаргон ленинградских обывателей. Пожалуй, это единственное, что снижает достоинство его пасторальных строф.

В данное академическое издание включено то, что удалось собрать в кругу его почитателей в минувшем девятом году. Сборник снабжен комментариями; по возможности определена датировка того или иного произведения. Некоторые правописания оставлены в соответствии с правилами старинной орфографии, используемой А. Рубцовым до самой кончины. Эти слова или научные названия выделены косым шрифтом.

КОММЕНТАРИИ.

Стр. 5.

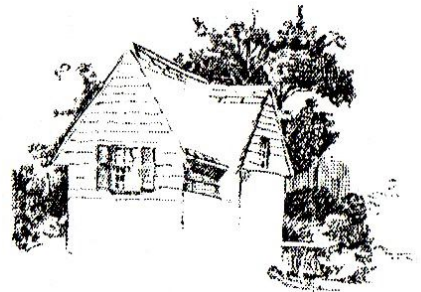
Заветное

...В краплено-желтых канарейках... — Две колоды карт для пасьянса, по цене 2.60., переизданные в 1960 гг., по дореволюционным клише мюнхенской колоды «Русский стиль».

Стр. 5.

На 210-летие Пушкина.

Стихотворение, написано 6 июня в вырицком поезде. Послано петербургскому поэту А.С. Кушнеру, в чьем творчестве Вырица подчеркнута целым рядом стихов. Было зачитано на «Вечере памяти Пушкина». Печатается в первоначальной редакции.

...Французов не менее, чем Натали.
— Вероятно, имелась ввиду «Французская» ул. На «Третьей Платформе», где в качестве дачника живет Кушнер А.С. В собрании Кушнера, в частности есть стих нач. «Не люблю французовы с их прижимистостью и эгоизмом». Не известно насколько это указание связано с «Французской» улицей, тем более, что пожилые ее жители, считают, что название дано не в 1908 году, а «в память о вхождении в 1944 в Вырицу частей Нормандии Неман».

Вырицкая знакомая автора, — Татьяна Симо, последние годы проживающая в Новой Зеландии, в городе Крейчтоне. Прежний дачный адрес: «Кноррингская» ул. В одном из писем Т. Симо есть дружеское указание А. Рубцову, что она в большей степени считает себя «вырицкой».

Стихи А. Рубцова к Т.Симо имели остроумные пороции адресата. Некоторые мы публикуем по письмам поэту из Новой Зеландии

Крейчтон. Воспоминания о минувшем веке.

Дама варила обед
Картошку и много котлет.
Салат, винегрет, огурец,
А также один голубец.

Муж дамы идет на обед
А с ним и великий поэт,
Историк и журналист,
Повар, отец, гитарист.

Дама кастрюлю берет
Поэту прибор подает:
Хлеба, сметаны и щей
И разных кладет овощей.

И вот разложен обед,
А вина то к обеду нет!

Писатель в сельпо бежит,
В сельпо на полке лежит
Вермут, портвейн и ликер,
Селедка и помидор.
Прекрасный удался обед.

Хватило вина и котлет!
И выпив *порто* стакан,
Историк составил план.
В далекий Поселок идти
И желтую дачу найти.

Дама осталась одна
Моет посуду она...

Андрею Рубцову.

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос,
Чтобы помочь нам воспеть бы Андрея Валерия сына.
Тьму исторических дат сообщал он подчас за обедом
В знаньях своих, посягая сравниться с Афиной Палладой.
А между делом писал он трактат о Ефремовом доме,
Славы Плутарха мечтая достичь на научной арене.
Спилась супруга его накануне великих событий
Этим, подвергнув всех в скорбь, как при гибели Трои...
Тут далеко я и два океана пусть нас разделяют,
Но не могу я забыть, как рассказывал он сладкозвучно
Об исторических фактах от *Водей* и *Шведов* пришельцев
Вплоть до купальни самих Аполлонских-Стравинских?

В черновом варианте, вместо строки... *Спилась накануне великих событий* — следовал такой вариант: «Спилась накануне выхода книги (?)». Речь шла о бывшей супруге поэта. Насколько известно, А. Рубцов никогда не писал трактат о Ефремовом доме. В связи с чем возник ироничный ответ.

Эпиграмма Т. Новозеландской.

Татьяна, пора написать Вам ученую книжку....
А мадригал попрошу, может Сашу на нашу страницу
Выложить смело, зело слог, — искусный, упругий
(Также понравилась фраза о бедной супруге)

не видели в магазине «Чернаков» в Вырице. К этой почтенной фамилии принадлежат также: покойный художник Чернаков и его племянник В. Чернаков поэт-любитель. Установить круг знакомства с вышеупомянутыми лицами в минувшем столетии сейчас не представляется возможным.

...*Колоний вина.* — Хороший знакомый А. Рубцова, — супруг Т. Новозеландской, — А. Симо часто привозил из своих путешествий сувенирные напитки.

...*Опять звонят, должно к обедне.* — А. Рубцов, как его ласково называли «захожанин», был не чужд православной лирики (поэма «Погост» и пр.), изменяя ей разве что «с любимыми древними греками».

Стр.8.

Пожар.

Написано в подражание дореволюционным поэтам: Некрасову, Никитину и Розенгейму. Не издавалось.

...*В Поселке сгорела.* — Финальная станция после вырицкой «Третьей Платформы». Самые респектабельные дачные уголки.

...*Дачная Оттепель...* — Возрождение элементов старинного стиля отделки пригородных дач в регентство Н.Хрущева.

...*на проспекте Стравинской...* — Старинное название «Комсомольской» улицы в Поселке Эдвардса.

... *и за окнами шпиль...* — Печальным образом сгоревшая красивая желтая дача, не принадлежала к дореволюционным постройкам, хотя место было облюбовано ее строителем еще в 1916 году. В силу личного (как в *толстовском* романе отношения князя Болконского с дубом), — поэтом сознательно изменены приметы места. Это деревянное здание в старорежимном стиле *ампир*, не имело в действительности шпиля. В 1960 годы, к коим автор относит и свои ностальгические воспоминания, — детские страшилки «черный тюльпан», игры в только что просмотренные на станции фильмы, — не могли быть связаны с одним, пусть

и примечательным домом. Но, несомненно, выстояв более полувека, на фоне окрестного леса тот являлся живописной доминантой. Как и принято в сельской лирике, в речной мельнице можно увидеть нечто большее, чем средство для производства муки.

...чары Milady... — Исполнительница ролей в фильме «Три мушкетера», «Фантомас» — фр. актриса Милен де Монжо.

...Нуазетские розы... — Такой сорт.

...камеристка... — С фр. la camériste (камер-фрау). Дамская должность при Дворе.

...Мрамор Carnot. — «Карно». Сорт пестролистных бегоний с серебристо-мраморными листьями. Назван так в память президента Франции Мари Франсуа Карно (1887—1894) имевшего симпатии к России. Был убит итальянским анархистом через полгода после пожалования ему императором Александром, ордена св. Андрея Первозванного.

... Витрувий. — Римский зодчий

Стр.12.

Владелице одной из вилл.

Посвящено А.Ю. Епешинной.

Первоначальный вариант публиковался в сборнике вырицкой поэзии. В более поздних рукописных вариантах отсутствуют строки:

*...Но пусть мои хранимы кости
К Вам Анна Юрьевна быть в гости.*

Этому адресату А. Рубцова, принадлежит также остроумное стихотворение, посланное 23 ф. Девятого года.

А. Епешинной

Я год назад Вам стих писал.
Позавчера его издал.
С собой поэзию таскал,
Такси в Поселок заказал.
Ваш муж Володя мне сказал,

Что мазь он лыжную достал.
И я с ребенком заскучал
Ее в буфете угощал.
Закат на небе догорал
И Сталин встал на пьедестал...

...Сталин встал на пьедестал. — Аллегория с берегом возле дачи А.Святова, где во дворе стоит знаменитый памятник Сталину с трубкой.

В ответе А.Ю. Епешинной было замечено: « Super, spasibo, galko, chto vas net». Далее шла приписка ее супруга, заводчика — В.В. Епешина,

Стишок я стоя прочитал
Держа в руке с вином бокал.
А если-б рядом пьедестал
Сорокоградусную-б взял,
А наш семейный идеал
Смотрел и глазками моргал.
Он в это время вспоминал
Как в Вырице весь день гулял
«Эскиз» он дома набросал.

Из срочного послания А.В. Рубцова, — заводчику.
Ночь 24 февраля. Девятого года.

Пришло письмо из букв и линий
Лишь я спросонья опознал,
Что если-б автор алюминий
Так вдохновенно воспевал
Его металл доход обильный
Привлек дружины киевлян
Восстановил бы дом фамильный
И посетил бы много стран
Там у старинных эмигрантов
Полно про стройку фолиантов

...*Что если-б автор алюминий...* — Поэтическое указание на алюминиевый завод В.В. Епешина в Гатчине.

...*Привлек дружины киевлян.* — Судя по всему, здесь в фольклорной форме упомянуты отношения В. Епешина с украинскими строителями.

...*Восстановил бы дом фамильный.* — Супруги Епешины в девятом году снесли свой старый деревянный дом, желая отстроить на его месте шедевр дачного модерна. Истории прощания с чужим фамильным домом посвящено одно из последних незаконченных стихотворений А. Рубцова:

...Вошла хозяйка в дачных шортах.

.....
Наш умный спор прервал мобильный,
Довольно милый позывной
Он обещал обед обильный
И *chardone* в палящий зной.
Я мнил себя сюрреалистом.
Собрав под сводами фантом
Из всех семей, немых статистов;
«На будущей пойдет на слом!» —
Смахнув, хозяйка расстелила
На подоконнике проект,
Где атрибуты *югендстиля*
И прирожденный интеллект
Она шутливо воплотила....

...*Полно про стройку фолиантов.* — С легкой руки коллекционеров: бывшего мэра поселка Тайцы Горбатенко А.В. и историка А. Барановского, г-н Епешин увлекся созданием библиотеки старинных строительных изданий, многие из которых он привозил из Европы и Азии в «Поселок Эдвардса».

Написанное не ранее 2007 г. стихотворение.

... *Поймаем скумбрию в сачки.* — Здесь и далее авторская юмореска. В Оредеже и Онзе не водятся скумбрии.

... *Отпустим ящериц травить.* — Травить. Старинное охотничье слово. Означает ловить и кусать зверя.

Подлинное имя знакомого автора, дачника нордических кровей. Отрывки из поэмы «Даниэль» давно разошлись по рукам, когда же издатели попросили их скопировать для настоящего издания, то выяснилось, что многое из того что создано было Рубцовым в те годы оказалось бесследно утрачено и даже пошло на растопку. Некоторые строфы поэмы ранее были опубликованы с рукописных автографов в местном вырицком альманахе. В частности отсутствующие в данном издании слова.

Все замерло у катафалка
 В полночь не виден русский флаг
 В руках увесистая палка
 Ей отгоняюсь от собак.
 Их лай у дач ветеринара
 Уместен более был всем,
 А здесь, — гуляющая Тамара.
 И я страдал, как сельский *Брэм*.

...*Увлечь рассказами о хвойных...* — Герой поэмы, — выпускник императорской Лесной Академии.

...*любил михайловский Парис.* — Дача постоянного адресата *рубцовской* поэзии находилась в Михайловке, прилегающей к основному массиву Вырицы. В последние годы Даниэль Сакс уехал на Сахалин, где в подражание Пушкину и Рубцову писал

незавершенную поэму «Сакс и Джулия».

...Парис. — Сын Приама. Участник Троянской войны, обладавший особо-приятной наружностью

Другие невошедшие в окончательную редакцию поэму отрывки.

I.

Даниэль сажает ель,
Приближается апрель.
Михайловка не Коктебель,
Но в бане тоже есть постель.
На ней, у девушек в метель
В руке окажется свирель...

II.

Вот с Даниэлем ночью скачем
Взяв ящик красного вина:
Сортов Иберии и чачи,
Над нами полная луна
Скажи, о ветренная Геба
К чему все это нам одним?
Зачем Вы не явились с неба
Съ умом разрушив наш интим!

III.

Ты все в кибитке. Стынут виски.
Гороха стручья за окном
Сухие, ломкие... Записки.
Пишу гусинным я пером.
Ленись, ищи в лесу дриаду —
Она заменит сто друзей.
Вручи ей плитку шоколада
Она тебе мешок камней!

IV.

Каких двух девушек шикарных
Увез в закате Даниэль
Чтоб в сауне, в парах янтарных
Их мрамор тела грела ель!
Одна с фигурой для *конкура*
Надежде Дуровой под стать
Другая, форменная... *Лаура*
Но разодетая... *как мать*

Комментарии к поэме.

Михайловка действительно не имеет ничего общего с Коктебелем.

...*сортов Иберии и чачи*. — Чача сама по себе сорт...

...*стынут виски*. — На самом деле виски стынут только при температуре -62 гр. по Цельсию. Незнание всех этих подробностей подчеркивает практическое неупотребление вин автором, что не мешало ему, однако постоянно использовать тематику дачных пикников, как литературный буфер, особенно в тех местах, где кренилась социальная мысль поэта.

...*Скажи, о ветренная Геба*... — Заимствованная строчка Тютчева из стихотворения «Люблю грозу в начале мая».

Обращение к Гебе часто изымалось из советских изданий Тютчева, ради чего Рубцов осмелился процитировать ее.

...*она тебе мешок камней*. — Как и принято у *саксов*, адресат поэта привозил из лесу мощные валуны для циклопических украшений его михайловской усадьбы.

...*с фигурой для конкура*. — Конкур (фр. *concour hippique*). Конное состязания с препятствиями.

...*Надежде Дуровой*... — Знаменитая кавалерист-девица. Участница военных кампаний России против Наполеона. Знакомая А.С. Пушкина.

Стихотворение послано дочери петербургской поэтессы Л. Люблинской – И. В. Люблинской.

...Купил я Люблинского книгу... — Имеется в виду издание по криминалистике 1920 гг. Павла Иссаевича Люблинского, — поселкового дачника, литератора. Возможно, речь идет о приобретенной в букинисте книге с экслибрисом «П. Люблинский».

...на кухне где старинный буль... — Антикварная мебель с инкрустациями из металла, слоновой кости и камня.

...станете Вы старше передвижением минут...

Предположительно написано в день рождения И. Люблинской.

В заглавии указывается Сиверский проспект.

...С шампанским шасть на скотный двор. — Авторская метафора. В XX веке Федоренковы не держали домашних животных, исключая собак. В некоторых посланиях Рубцову *demoiselle* Федоренкова упоминает окружающих ее «зверей».

...не стать, чтоб понапрасну мужем... Ирония не имеющая под собой сомнений в деловом характере знакомства А. Рубцова и М. Федоренковой (см. ниже). Тоже замечание применимо и для последующих строк. В них эпическое смятение души автора берет верх над благоразумием вдумчивого наблюдателя: в вырицкой церкви в честь иконы Казанской Божией матери, бывает не одна красивая прихожанка.

Из неопубликованной переписки Марии Федоренковой с Андреем Рубцовым.

Мария Федоренкова. Канун масленицы Осьмого года.

От Вырицы в город и снова по кругу

Никак нам не выбраться в гости друг к другу.

В заботах весь день нарезаем круги.

Опять не судьба мне испечь пироги?
О ужас! Покоя не даст мне все это!
Опять пропадете до самого лета!
Из ответа А. Рубцова девице Федоренковой

Мария, вдруг завтра дойти не смогу
Участок увидеть похожий на луг
День завтра с блинами исполнен забот
И вы, как поэзии чистый блокнот

М. Федоренкова, — А. Рубцову.

Рвануть на край света
Пуская без билета
Как можно быстрее
Ни людей, ни зверей.
И где-нибудь вы по соседству, Андрей!

Из писем А. Рубцова — М. Федоренковой

Должны Вы воспеть в живописных стихах
О том, как акафист читал Патриарх....

.....

К сож. утраченное стихотворение.

(По всей видимости, о знаменитом визите Его святейшества в
Вырицу).

М. Федоренкова, — А. Рубцову.

Увидется с Вами не против, взаимно!
Но что-то я ныне не гостеприимна.
Мне нервы испортил компьютер сперва,
Потом час-другой я колола дрова.
В итоге хочу отдохнуть — выходной
Надеюсь, обиды здесь нет никакой?
Пишите, вдруг грустно Вам станет в Новинке
Пусть письма хотя бы идут без запинки.

А. Рубцов — М. Федоренковой.

К чему нарушать Вашу жизнь молодую
Оставим мы почву для встреч деловую.

Последнее из сохранившихся строк, восстановлено по первоначальному автографу.

...Вам станет в Новинке. — Деревня вырицкой волости, получившая свое название в 1861 г. Известна лесными озерами Артемиды, необычайного лилового цвета воды.

Стр. 20.

Считалка.

...к Шудибиллю везут салазки... — Сохранившееся старинное название курортного пляжа в Вырице. Прусский подданный Леопольд Шудибилль имел в середине XIX века в этих местах древесную фабрику.

...А к птице Вырий слушать сказки. — Сказочная птица из русской мифологии.

...Минует временно Меркурий. — Меркурий-Гермес, сын Юпитера-Зевса. Согласно мифологии: покровитель торговли, путешественников; сопровождает души умерших в царство Аида. Предположительно, имелось в виду и вырицкое похоронное бюро «Меркурий».

стр. 20.

Блин, комом. Масленичное откровение.

Не известно когда созданная басня о замутненности современной речи словами: «это самое» или «блин».

... как велел Гостомысл. — Легендарный князь IX века, чье имя упомянуто здесь не к месту. Подобным развратным поведением был известен Владимир-Красное Солнышко. Именно его бесконечный блуд описан в летописях.

Написано и зачитано на похоронах народного худ. РСФСР — А.А. Ушина в 2005 году. Публиковалось в одном из вырицких поэтических сборников. В данном варианте издатели придерживались правильной авторской версии в последней строчке:

...Если это любовь и изменится вектор. — Вместо приведенного с анонимной копии не в рифму слова «ветер».
...курорт в Комарово. — В 1930 гг. художники Ушины нанимали полдома на «Второй Платформе». С середины XX века, они стали постоянными дачниками в Комарово.

Памятник.

Написано в подражание Горацию, Державину, Пушкину, Ахматовой....

...где с каменной гермой... — Герма — каменный, межевой столб на границах дорог и владений в Древней Греции. Часто изображался с головой бога Гермеса-Меркурия. По мнению историка профессора Б. Кипниса более правильно бы звучало: «где в каменной герме»

...Ефремовский дом нависал... — Описываемое место, — старинные Бумагины дачи в детском оздоровительном санатории «Салют». Громадная коммерческая дача А.Х. Ефремова, находится через реку от санатория, украшая противоположный берег. В настоящее время принадлежит заводу изготовления папирос.

... Сначала в Поселке у братских могил. — Берег перед первым мостом через Онзу. С прошлого века обращаясь к местным жителям и в администрацию Вырицы, поэт предлагал установить возле них памятник неизвестным красноармейцам, чьи тела были закопаны возле дороги. Одновременно с этим патриотическим чувством у Рубцова наличествовало и христианское отношение к невольным отщепенцам своего бывшего Отечества, что вылилось в нижеследующее незавершенное стихотворение.

*Вырица 1944 г.
Посвящается живущему в Прибалтике Геннадию
Муравьеву.*

Трехцветным знаменем оваян, — в лесу закопан автомат.
Разбился штурман Витгенштейн. Железный крест его наград
Украшен был венком сонетов. Но даже сорок лет спустя
Я говорю в кругу поэтов: врагов оправдывать нельзя!
А им не нужно снисхождение. В лесном кургане молча спят
И те и те. Происхождение, пусть их потомки сохраняют.
Встречали немцев хлебом с солью у самых вырицких ворот,
Осознавая русской болью, что это страшный оборот.
Едва ли виделось в грядущем, что красный стяг войдет в
Берлин

О сталинском режиме сущем, заволновался Серафим?
Когда погибло при Фарсале (так много граждан!) отменил
Триумф и консул на вокзале, — прощенье каждому сулил.

Миноискатель следопыта, под сочным мохом в глубине.
Отроет ржавчиной покрыто раз сострадание мое.

Это странное произведение написано под влиянием
действительной истории, о том, как праправнук защитника
Петербурга фельдмаршала кн. П.Х. Витгенштейна, — во
Второй Мировой войне стал знаменитым немецким летчиком.
Совершив 635 боевых вылетов, светлейший князь Александр
(Генрих) сбил около ста советских и английских самолетов,
но по воспоминаниям кн. Марии Васильчиковой, уже с 1943
года, обдумывал покушение на Гитлера. В янв. 1944 года, «as»
немецкой авиации майор Витгенштейн погиб. Питая огромное
уважение к достойному противнику, английские летчики
сбросили на его могилу венок.

Боль, за то, что революция и сталинская тирания вынудила
многие преданные прежней императорской России фамилии,
воевать под «трехцветным флагом», отражена в сложных
сопоставлениях произведения.

По каким-то философским причинам, этот стих был посвящен живущему в Прибалтике правнуку Серафима Вырицкого — Геннадию Муравьеву, навещавшему поэта в IX году.

... *Трехцветным знаменем оваян...* — Вероятно, автомат, бывший в руках белоэмигранта или предателя-власовца. Строчка написана под впечатлением зарубежной лирики чинов Русского Корпуса.

... *Украшен был венком сонетов.* — На гибель потомка средневековых рыцарей и русского фельдмаршала, — в Германии были изданы стихи: «Венок сонетов на могилу князя Витгенштейна».

... *Но даже сорок лет спустя.* — Метафора: будто коренная правда взглядов автора с брежневских времен не изменилась.

... *О сталинском режиме сущем заволновался Серафим?* — Автор высказывает сомнение, что иеромонах Василий Муравьев как отец в 1940 году репрессированного сына Николая, мог «каждый день молиться за победу Красной Армии». В годы войны, все священники Вырицы, условно поддерживали власть оккупантов, надеясь, что вместо нее и большевиков, вскоре придет что-то русское.

... *Когда погубило при Фарсале.* — В невыгодном для Р.С.Ф.С.Р. сравнении приводится событие древне-римской эпохи.

Стр.23.

Теплый декабрь

Этот стих, как и следующий, посвящен невиданным перепадам зимней погоды 2009 года: от декабрьской оттепели, в середине месяца, к снежным завалам после 25 декабря.

...*как Гумилев с букетом роз.* — Современники очень смеялись над его строчкой: «умер на ложе из роз».

...*московском Теплом Стане.* — В середине века место, куда останавливались баскаки. Одноименный район и станция метро в Москве.

Созданная в прошлом веке басня. В архиве А. Рубцова сохранился рассказ и фото авиатора В.В. Базыкина, как он вез на вертолете в окрестности Вырицы из отеля «Европа» роскошный обед на 10 персон.

...Квинт Гораций. Август. Меценат... — Поэт. Император. Царедворец. Современники, знаменитые римляне I века до н.э.

...Вот и умер отец Михаил. — Петербуржец, священник Гдовской церкви о. Михаил (Женочкин) внезапно скончался в 2009 г. По совету старца о. Николая (Гурьянова), с миру по нитке, вопреки мнению гдовских чиновников, он выстроил в Гдове собор Божией матери Державной на старом фундаменте крепости XV века. В советское время здесь находилась тюрьма НКВД и танцплощадка. Имея талант краеведа, покойный о. Михаил, собрал разбросанные в округе имения графов Коновницыных — Кьярово, пушки, ядра, в целях создания маленького исторического музея при церкви.

...В мызу Красницу... — Историческое название дачной станции. Находится неподалеку от Вырицы.

...Коновницыных записи в ней. — Вероятно, имеются в виду записи на форзацах Библии, — членов семьи графа П.П. Коновницына (1762-1822). В 1812 г. генерал Коновницын командовал 3-й пехотной дивизией. Был участником Бородинского сражения и дежурным генералом при отступлении. Тяжело ранен под Лютценом в 1813 г. Служил начальником милиции Петербургской губернии; с 1819 года директор Лицея. Дети графа оказались в числе сосланных декабристов.

Поэзия
Андрея Рубцова
В рисунках
Дмитрия Иорица.

Научный редактор — А. Крангальс-Лансберг.

Бумага — «Гознак».

Издательство «Academia».

2010 год.

Тираж — 200 экземпляров из коих все нумерованные.

www.viritsa.ru

